

Валентина ШИНКАРЕНКО

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Проектно-изыскательский институт транспортного строительства «Томгипротранс» основан в 1935 году, когда многочисленные изыскательские и проектные организации страны были объединены под знаком Всесоюзного проектно-изыскательского объединения «Союзтранспроект». Это один из старейших институтов в Сибири и первый проектный институт в городе Томске. Одним из главных направлений его деятельности были инженерные изыскания и комплексное проектирование железных и автомобильных дорог.

В. И. Ястремский, проработавший всю свою жизнь в «Томгипротрансе», пройдя путь от инженера до главного геолога отдела инженерной геологии, пишет в своём рассказе «БАМу – 30»: «Мало их тогда оставалось. Первых, чья молодость в те, уже такие далекие годы, прошла рядом с тобой, БАМ. В военных кирзачах, в линиях гимнастерках, при медалях первые, умудренные опытом, изможденные войной и болезнями, как-то приосанились, расправили плечи и передали нам задор, последний заряд энергии, и повели нас в свой, кто-то в последний маршрут к тебе, БАМ.

Первый пикет и первые просеки, первый шурф и первая скважина, первая палатка и первый костер, первая любовь и первая бамовская свадьба.

И пошли первые десанты (строители), первые метры насыпи, первая площадка будущей станции. Они все считали себя первыми. А о нас «скромно» забыли. К ним ехали писатели, журналисты, артисты... Народу нужны были герои.

О нас редко вспоминали. А мы уходили вперед, и впереди нас никого не было. Вернее, было. Мы находили старые полусгнившие репера с четкими надписями стоянок и датами давно прошедших лет, обвалившиеся шурфы, старые тропы, мы шли первыми по следам первых. Видишь, БАМ, мы помним о тебе, не забывая и ты нас и помни, что мы тоже были там первыми».

Мы с мужем тоже часто думали о том, почему о нас забывали. Кто же первый? Иногда и обидно было. Ведь на самом деле строительные бригады шли за нами. Не могли они первыми проложить рельсы новой трассы, если у них не было на руках инженерно-геологических заключений, профилей трассы, сведений о разведанных карьерах грунта для насыпи... Почему так мало рассказов и повестей о первопроходцах-геологах БАМа? Это же огромный интересный литературный материал со всеми трудностями, ошибками, гордостью и, конечно же, романтикой геологических изысканий.

Сейчас, вспоминая те годы, всегда удивляюсь, где мы брали физические силы на преодоление самих себя, преодоление страха перед одиночным выходом на трассу (а по технике безопасности это недопустимо), но надо было срочно заканчивать работу на участке и осваивать другой. Откуда брались

силы каждое утро для выхода на трассу, когда ты ещё не пришёл в себя от вчерашнего броска. Но ведь выходили, работали, возвращались в свои палатки, падая на нары от усталости, иной раз не было сил пойти на ужин. Изыскания шли и летом, и зимой, жили в палатках, топили печки, чтобы не замёрзнуть. А когда документировали выработки, застывали пальцы. Чтобы было теплее, опускали руки в растопленный парафин, которым консервировали монолиты пород для лабораторных исследований. Парафин застывал на руках, как перчатки, немного уменьшая холод. Вот так жили, работали, немного отдыхали отмечали праздники, радовались удачному завершению работ.

В конце июня 1974 года пассажирский поезд Томск – Андижан уносил новоиспечённого горного инженера-гидрогеолога Валентину Борисову (то есть меня) в таёжный родной посёлок Тягун. Там ожидали моя семья и мои друзья, чтобы поздравить с окончанием учёбы в институте.

Письма Олега следовали всегда за моим перемещением в Тягун, затем снова в Томск. Мой друг с конца апреля работал в полевой партии. Его письма насыщены описаниями местных примечательностей, рабочих моментов, как он проводит свободное время. Каждое письмо наполнено грустным ожиданием, когда же я устроюсь в «Томгипротранс», советами по подготовке к выезду в поле, и – главное – когда же ожидать меня у них в экспедиции.

Олег ещё в 1973-м, в первый год после института, участвовал в инженерно-геологических изысканиях восточного участка БАМа, на трассе Тында – Чульман.

В 1974 году мы уже вместе работали на Западном участке. И тоже считаем себя одними из первых там, на изысканиях БАМа.

В Нижнюю Гоголевку я приехала по прилагаемой схеме маршрута во второй половине августа. Олег был на буровой, меня встретил геолог Серёга Григорьев. Представили начальнику партии Тихонову Николаю Николаевичу (далее Ник.Ник). Вечером вернулся Олег, радости нашей не было предела. Собрались за общим столом, познакомилась со всеми, отпраздновали мой приезд. Можно начинать мою трудовую деятельность на западном участке БАМа, в самом его начале.

По приезде меня временно поселили в комнату, где жили Олег и геолог Сергей Григорьев. Серёга как порядочный человек перебрался в соседнюю комнату. Олег расположился на его кровати. Разглядывая их комнату, обратила внимание, что на стене, около которой стояла печка, видны следы обгоревшей древесины. Спросила, что это было, неужели пожар. Он поведал историю возникновения характерной картины на стене. За неделю до моего приезда, растапливая печку, решил ускорить процесс возгорания дров, подлив в неё бензин. Из жерла печи извергнулся поток пламени на Олега и на стену рядом. Друг мой успел увернуться от огня, получив небольшую порцию ожога в виде опалённых бровей и ресниц. А вот Серёгин новый пиджак и брюки, висевшие на стене рядом, получили трансформацию по полной программе. Пока Олег боролся с пламенем, поливая его водой, костюм превратился в жалкие лохмотья. Зато на стене появился шедевр пламенной росписи, обрисовав контуры ушедшего в небытие костюма. Представляю, как выразил Серёга своё изумление по поводу художественной росписи. «Почему, – кричал пострадав-

ший, – сгорел именно мой, а не твой костюм!» Мой друг, который вызвал к жизни пламенного художника, пообещал возместить сгоревший костюм, купив новые пиджак и брюки. Я слушала эту историю и думала, что в этой ситуации можно было лишиться и глаз. Олег тоже был напуган тогда, сказал, что этот урок он запомнит на всю жизнь. А меня предупредил, чтобы никогда не пользовалась услугами горючего при растопке печек.

Первые дни самостоятельной работы как геолога на бурении скважин прошли на удивление вполне удовлетворительно. Старательно вела записи, делала зарисовки поверхности площадки бурения, что мне очень нравилось. Отбор и описания образцов грунтов в первые дни согласовывала с буровым мастером. Виктор оказался весёлым и добрым помощником, показывал, как надо проводить отбор проб, вырезать монолиты. Он подсказал тонкости правильного определения названий грунтов. Опытные геологи, например, отличают глину от суглинка методом пробы их своими зубами – стопроцентное попадание. Я удивилась: неужели надо во рту разжевать глину или суглинок, думала, что он разыгрывает меня. Но оказалось, действительно это верно в полевых условиях, если возникает сомнение в точности названия грунта. Попробовала сама на своих зубах – если кусочек пробы не скрипит, значит, это точно глина. Суглинок содержит некоторый процент песчаной примеси, на зубах песчинки выдадут определённый скрежет и звук. Ох и «наелась» я этих проб. Но, главное, ни разу не ошиблась в правильности названия. Супесь и суглинок иногда выдавали сомнение, когда их гранулометрический состав был близок к границе перехода. Правильные коррективы уже выдавала грунтоведческая лаборатория. Первая неделя пролетела незаметно. Олег вечером проверял мои записи, делал замечания, исправляли ошибки при необходимости.

Тем временем придвигалась дата нашей регистрации брака с Олегом. В партии шла незаметно подготовка, закупали продукты и напитки. А мы стали думать, в чём же невеста пойдёт в загс. Выбор не очень большой, но довольно интересный, в таких нарядах никто не появлялся на собственной свадьбе. 1 – полевой геологический костюм и кирзовые сапоги, 2 – клетчатая рубашка, джинсы и кеды, 3 – домашний халатик и тапочки. На этом перечень иссяк. Жених обдумал варианты и сказал, что любой подходит, лишь бы невеста не передумала выходить замуж. После работы начальник партии вызвал нас на ковёр и строго сказал: «Надо бы одеться соответственно церемонии. Что у вас есть?». Повторила свои запасы одежды. Олег сказал, что у него есть приличный новый пиджак, брюки, туфли. Ник.Ник. решил, что будем одевать невесту. Он повёз меня в ближайший магазин, где выбрали незатейливую набивную ткань розового цвета (а выбирать-то не из чего было), белую кружевную тесьму. Баба Ганна выдала швейную машинку «Зингер», дань проигравшего войну государства. Мы с практиканткой Валею устроились в арендованной комнате шить свадебный наряд. Я умела неплохо кроить и шить благодаря моей маме. Студентка выполняла более простые операции по обработке швов изделия. К утру платью невесты было готово. Простая модель, но нежный розовый цвет с белыми кружевами украсили наряд. Осталось совсем немного для завершения – купить туфли. Олегу доложила, что платье готово. Надо выбрать обувь из имеющегося перечня: кирзовые сапоги, кеды, тапочки – что лучше. Жених

подумал, серьёзно констатировал, что наилучший вариант – сапоги. Это будет просто удивительное зрелище, никто никогда в жизни не превзойдёт мой наряд, запомним на всю жизнь. А мне почему-то стало грустно, глаза выдали слезинки, намочив рубашку на груди жениха. В конце рабочего дня съездили в ближайший посёлок, но там для меня соответствующей обуви не было. Зато купили простенькие обручальные кольца. Оставалось завтра – последний день перед свадьбой.

Утром Ник.Ник. поехал за необходимыми деталями для буровой установки, а мы отправились заканчивать бурение скважины. Вечером ко мне в комнату зашёл начальник партии, поставил на табуретку белые красивые чехословацкие туфли. Я обомлела, надо скорее примерить. С тихой надеждой в душе осторожно примерила их, встала, прошла по комнате. Подошла, обняла своего начальника и расплакалась. Он тоже обнял меня, проговорил: «Ты чего, дочка, неужели не подошли?». Высказала благодарность, удивление, как он мог подобрать именно мой размер, а главное, где отыскал такую красоту. Оказывается, весь день был потрачен на поездку в Тайшет, посещение нескольких магазинов. Помолчав, добавил, что нельзя оставлять невесту без свадебного наряда. Господи, всю жизнь ему благодарна за его доброе отношение. Он стал для нас с Олегом посажёным отцом в день торжества. Всю подготовку для проведения дня свадьбы взял на себя.

30 августа 1974 года яркие лучи утреннего солнца коснулись крыш маленькой станции Нижней Гоголевки, заглянули ко мне в окно: «Вставай, соня, не проспай свой торжественный день». А я и не спала всю ночь, лежала с закрытыми глазами. В голове моей мелькали эпизоды нашего неожиданного знакомства с Олегом...

Вот и церемония бракосочетания. Всё – я уже не Борисова, а Валентина Петровна Шинкаренко. Фейерверк шампанского над столом, глухой звон гранёных стаканов, весёлые голоса друзей с добрыми пожеланиями завершили первый этап нашей торжественной церемонии. Свадебный кортеж, состоящий из уже повеселевшей компании, отправился в обратный путь в Гоголевку, где нас ожидало продолжение торжества за праздничным столом. Теперь уже справа по ходу движения, торопливо неся вслед за нами свои прозрачные воды, речка Бирюса потихоньку закручивала водовороты, бурлила, стараясь привлечь к себе внимание. Наверно, ей тоже хотелось пообщаться с нами, высказать своими речными мотивами нам добрые пожелания.

Мы не могли не уважить знаменитую Бирюсу, выбрали чудесную поляну. Шампанское полилось в наши гранёные стаканы, выполняющие роль бокалов. Включили транзистор, под звуки мелодичной песни исполнили наш свадебный вальс-танго. Надо было уже продвигаться дальше, а нам так не хотелось, чтобы заканчивалось это волшебство.

Такси-вездеход, не сбавляя хода, въехал на территорию нашей базы. Лихо развернувшись, остановился почти рядом со свадебным столом. Я выбралась из вездехода. Перед взором застыла шеренга всего состава нашей партии. Я смотрела на наших ребят и не узнавала их, особенно рабочих. Одетые в нарядные рубашки, чисто выбритые лица, аккуратно причесанные волосы, добродушные улыбки! Красавцы! К нам спешили Ник.Ник. и баба Ганна с хле-

бом-солью. Прозвучали приветствие и приглашение к столу. А большой стол, сбитый специально из досок, ломился от праздничного угощения. Чего только тут не было: пироги, картофель с мясом, овощи, фрукты, рыба, напитки на всякий вкус. Очень хорошо постарались ребята, всё было вкусно! Застольные речи пронизаны душевным настроением и доброжелательными шутками. Предподнесли подарок от всех – большой катушечный магнитофон «Яуза».

В разгар свадебного пира послышался шум подъехавшей машины. К нам прибыли гости из соседней партии во главе с Б.И. Петровым. Узнав про свадебное мероприятие, не могли пропустить такого момента. Пришлось подставлять столы для гостей. Они приехали со своим вкладом в застолье, преподнесли подарок – лучший в то время транзисторный радиоприёмник «ВЭФ-204» Рижского завода.

Мне нравилось начало нашей семейной жизни, наши разговоры о будущем.

В один из вечеров меня вызвал Ник.Ник., выдал задание на проведение обследования ж.д. насыпи. В состав работ входили зондировка насыпи скважинами ручного бурения, проходка шурфов и закопшек. Я обязана провести полную документацию горнопроходческих работ. В конце нашего разговора начальник пояснил, что придётся с бригадой рабочих выехать на другой перегон, на меня возлагается ответственность за выполнение задания. Вот тут я притихла, вернее, испугалась неожиданной самостоятельности. Ник.Ник. пояснил: в партии объём работ большой, сроки выполнения поджимают, все геологи распределены по разным объектам. По видам работ моего задания проконсультируйся с Олегом. Посмотрев на меня внимательно, предупредил об особенностях работ на ж.д. насыпи, объект опасный, так как в непосредственной близости от нас идёт постоянное движение как грузовых составов, так и пассажирских поездов. Необходимо быть внимательными, при приближении поезда всем отходить на безопасное расстояние. Никто ради нас останавливать движение на железной дороге не будет. Вернувшись в комнату, доложила мужу о завтрашнем выезде на перегон. В его глазах тоже отразилось беспокойство за меня, но вслух прозвучали слова поддержки, что я справлюсь, главное – быть увереннее в своих действиях. Мы весь вечер обсуждали методику проведения работ, набросали план действий на первые дни. Предстоял выезд сроком на неделю. Олег тоже предупредил об опасности данных работ.

Ранним утром подошла машина, рабочие загрузили в неё свои необходимые инструменты, продукты, две фляги воды, необходимый запас дров, доски для сооружения спальных мест, рюкзаки с личными вещами. Начальник партии уведомил, что через три дня нам привезут дополнительно продукты и воду. В составе нашего маленького отряда были один буровик, четверо рабочих и я, инженер-геолог, всего шесть человек. Ник.Ник. строго предупредил всех, чтобы выполняли все указания Валентины Петровны. Особо отметил: если узнает, что рабочие будут употреблять алкоголь, незамедлительно последует увольнение. Я видела, что Олег волнуется, попросил буровика мне помогать (к сожалению, не помню его имени). Всё готово к выезду, машина взяла курс к намеченному пункту работ. Моя голова лихорадочно думала, перебирая предстоящие рабочие моменты. Почему-то мне было тревожно, постоянно думала, как я справлюсь с рабочей бригадой.

Машина въехала на обозначенный разъезд, подкатила к небольшому домику обходчика, который пустовал. В нём решили обустроить наше временное пристанище. Внутри дома была одна комната, на входе небольшие дощатые сени. В комнате находился деревянный топчан, стол и одна табуретка, в углу железная печка-буржуйка. Решено, что топчан достаётся мне, рабочие построят из досок общее спальное место на четверых, а буровик захотел спать в спальнике на полу. Пока внутри дома кипела работа, я вышла осмотреть прилегающую территорию. Метрах в тридцати находился сарай, около которого виднелась пристройка, видимо, туалет. Это уже неплохо, так как в округе не просматривались поросли кустарника и деревьев. Место было пустынным и унылым, поверхность поросла угнетённой травянистой растительностью.

Шла уже вторая половина сентября, который успел оставить свои погодные отметины. За постройками сарая увидела несколько кустиков смородины и малины. Наверно, это творение проживавшего здесь обходчика. На оголённых веточках, потерявших свою летнюю красоту, душистую зелень листьев, покачивались раздуваемые ветерком несколько высохших листочков и сморщенных сухих ягодок. Внизу от самого корня, среди осыпавшейся листвы, проглядывали новые росточки с маленькими листиками нежно-зелёного цвета. Видимо, возвратные тёплые деньки сентября разбудили почки смородинового куста, они, не задумываясь о последствиях, потянулись вверх к синему небу. Нагнувшись к росткам, засыпала их усохшими листьями, может быть, смогут пережить холода, дожить до весны и возродить силу старого куста молодыми побегами. Собрала с веток смородины и малины оставшиеся сухие листья и ягоды. Будем добавлять в чайную заварку, насыщая её целебным вкусом и запахом, который всегда напоминает далёкое детство. В моём детстве домашний чай всегда заваривали с листьями таёжной смородины.

Обустройство жилища закончено, приготовили ужин, обсудили объём работ на завтра. Одного из рабочих определили в качестве истопника, поддерживать тепло в домике. Кроме этого, в его обязанность входило готовить завтраки и ужины, в обед мы будем пользоваться сухим пайком и чаем, приготовленным на костре, другой рабочий идёт помогать бурить скважины, остальные будут заниматься проходкой шурфов. Всем отдыхать, завтра приступаем к освоению перегона. Ещё раз мысленно обдумала начало работ, обозначила для себя профили, на которых будут проходить зондировочные скважины, шурфы, закопушки.

Первый день работ на разъезде прошёл почти нормально: разметили профили, приступили к проходке запланированных скважин и шурфов. В первый же день мы ощутили всю «прелесть» рабочей жизни на ж.д. насыпи. Поезда в этот день проходили в жёстком графике, не давая нам полностью развернуть обследование как надо. Только начинаем проходку скважины, на горизонте появляется очередной опасный объект. Спускаемся вниз, переживаем движение товарняка. Возвращаемся, продолжаем работу, а вдали маячит уже следующее чудо ж.д. техники. И так целый день, работа тормозится, не успеваем войти в график намеченного производства. Ладно, товарняки, прошли и всё. А вот красивые пассажирские поезда преподнесли кучу неожиданных «подарков». Проходя мимо нас, выплеснули под колёса фекальные сборы, из окон ле-

тели бумажки, окурки, остатки пищевых отходов. Кое-как успела вернуться от очередного «сюрприза». Кто-то из рабочих крикнул: «Берегись!». Оглянувшись, увидела летящий прямо на меня увесистый пакет, отскочила в сторону. Пакет приземлился у моих ног, рассыпав яичную скорлупу и обглоданные куриные кости. Спасибо вам, уважаемые пассажиры, я не голодна. Тут же вспомнила письмо Олега, где он описал свои чувства – «Второй день зондируем ж.д. насыпь, самая паршивая работа». Да уж, паршивей не бывает. Кроме этого, находясь в верхней части насыпи, вблизи стальных рельсов, ощущается смешанный букет запахов – нагретый на солнце мазут вперемешку с туалетными отходами, гниющими пищевыми остатками, незабываемое ощущение! Но работу надо продолжать и выполнить в срок.

Первые три дня втягивалась в работу, бегая от скважины к шурфам, проводя документацию вскрытых грунтов. При этом надо было следить за ликвидацией проходок, стараться вернуть грунт в той же последовательности, как его вынимали. Чуть ослабишь внимание, рабочие норвят быстренько завершить шурф, уверяя, что всё сделали как в инструкции. Приходилось давать выговоры, когда обнаруживала халтуру.

С рабочими моментами вроде бы справлялась, а вот с бытовыми было трудно. В первый же вечер обнаружила, что мужички немного были навеселе. На мои вопросы, откуда спиртное, потихоньку ухмылялись. Похоже, привезли с собой, упрятав в рюкзаки. Предупредила, что если увижу пьяными, отправлю на базу с докладом. Кроме того, приняв увеселительную дозу, весь вечер спорили ни о чём, применяя нецензурную речь, курили в комнате, спать было неприятно. Устроила собрание по данному поводу, вроде бы согласились придерживаться принятого общего распорядка. Среди рабочих выделялся молодой парень, недавно освободившийся из колонии, Витёк-шалый. С виду парень-то неплохой, хорошо работает. А вот не мог жить без выпивки, хоть немного да надо. А когда принимал изрядное количество, становился неуправляемым в поведении. Вначале спорил, потом мог и кулаки пустить в ход. На третий вечер произошло столкновение в среде рабочих. Я пыталась с ними разговаривать, перевести в мирное русло, предупредила, что придётся доложить начальнику партии, отправить на базу самых нетерпимых. В этот вечер Витёк сошёл, как говорят, с катушек. Орал матом, кидался на других, а потом развернулся ко мне с выкриками: «Кто ты такая? Да пошла ты... что ты понимаешь, да пошла ты отсюда, пока цела». Стал двигаться в мою сторону, в руках неожиданно оказался нож. К нему кинулись рабочие, пытаюсь остановить. Я застыла на месте, не двигаясь. Витёк взмахнул ножом и поранил серьёзно руку одному из мужиков. Закричав ему, что же он делает, кинулась к раненому человеку, получив тоже ранение в плечо, правда, неглубокое, нож немного содрал кожу. Тут все мужики навалились на него, забрали нож, стали бить Витьку куда попадут. Кое-как утихомирила всех. Побитый парень упал на нары и заснул глубоким сном. А мне тогда было не до сна. Я была душевно разбита, не знала, как дальше жить здесь в одной комнате со всеми. Работу-то надо делать. Да и работяги, чувствуя свою вину, не спали, шёпотом переговаривались.

Утро следующего дня проходило тихо, я пила чай, сидела задумавшись. Витёк подошёл, стал извиняться, сказал, что он не помнит ничего, больше та-

кого не повторится. Не знала, как мне поступить: отправить его на базу или оставить. Рабочих рук и так не хватает, если уедет, придётся задерживаться на более долгий срок. В это время пришла машина, привезла продукты и воду. Надо было решать этот вопрос. Витёк снова подошёл, просил не отправлять его на базу, он всё осознал, будет исправно работать, спиртное больше не примет. Решила поверить, оставила со строгим предупреждением. Машина ушла, забрав отобранные пробы грунтов.

Перегон закончили, задержавшись ещё на два дня. Собрали свои пожитки, привели в порядок домик, послуживший нам приютом на несколько дней. Ну, вот и всё, моя эпопея самостоятельной работы вдали от базы завершилась.

По прибытии на базу сдала пробы грунтов, отчиталась перед начальником по выполненной работе. Вечером поделилась с Олегом своими впечатлениями о проведённой работе, кроме тяжёлого случая с рабочим. На следующий день Ник.Ник. объявил общий партийный сбор. Вначале он высказал благодарность за выполненную работу, а потом вдруг перешёл к обсуждению случившейся у нас неприятности. Я с удивлением смотрела на начальника, откуда он узнал про это. Я не докладывала о том случае. Шеф высказал мне неодобрение за то, что я не отправила виновного рабочего с машиной на базу, почему скрывает всё от начальства. Оказывается, об этом доложил водитель машины, а ему рассказал кто-то из рабочих. Мне был объявлен выговор за то, что я сокрыла пьянство среди рабочих и допустила непозволительную драку. У меня не было сил на возражение, была обида. Начальник поставил на голосование вопрос об увольнении Виктора немедленно, с плохой характеристикой. Среди состава партии пошли разногласия, поднялся шум, также высказались в защиту меня. Дали выступить виновнику случившегося. Он выглядел очень несчастным, просил не выгонять его, иначе всё плохо кончится, он никому не нужен. При всех просил прощения у меня, смотрел умоляющим взглядом. Мне его было жалко, куда парень после нас пойдёт, действительно, никому не нужный человек. Мнения разделились, что делать с рабочим в данной ситуации. Ник.Ник. проявил твёрдость в своем решении, уволить, но плохую характеристику, так и быть, не выдавать. На этом собрание закончилось. Я поплелась к себе в комнату одна, Олег остался с начальником партии что-то ещё решать. Когда он вернулся, сказала, что не хочу ничего обсуждать, на душе очень тяжело. «У нас есть что-нибудь выпить?» – сказала я и заплакала. Муж достал бутылку токайского вина, выпили, включили транзистор, просто сидели, слушали музыкальные композиции Рэя Конниффа.

...Наш полевой сезон близился к завершению. Заканчивалось последнее бурение скважин на оставшемся участке, полевая грунтоведческая лаборатория постепенно сворачивала свои работы, готовясь к выезду в Томск. Начальник партии заказал железнодорожную платформу для погрузки техники, последних проб грунта, ящиков с полевым скарбом. Я, Олег и часть геологического персонала выехали в Томск пассажирским поездом в начале ноября. Несколько человек остались сопровождать платформу, выехали позже. По прибытии в «Томгипротранс» сдали полевую документацию, полевое снаряжение. После этого нам разрешили короткий отпуск на неделю, который мы использовали для встречи с родственниками в моём родном Тягуне. Седьмого ноября от-

праздновали серебряную свадьбу моих родителей. Заодно и нас с Олегом все поздравили с созданием новой семьи.

Первые месяцы 1976 года, примерно, до середины лета, места расположения лагеря полевой партии периодически менялись, что зависело от вида работ. В этом году строители железнодорожной трассы шли по пятам изыскателей. Техника, в основном японская, трудилась от самого Усть-Кута, продвигаясь все дальше и дальше в сторону Давана. Экскаваторы «Като» своей зубастой пастью ковша вгрызались в грунты разведанных геологами карьеров, загружали все в мощные самосвалы «Магирусы». Огромные бульдозеры «Камацу» с множеством приспособлений у них с легкостью разбирали скалистые выемки. Сзади у них были стальные клыки, которыми разбирали препятствие, спереди большой нож сгребал в кучу развороченные породы. Конечно, наблюдать за работой такой мощной техники было интересно. Самосвалы сновали один за другим по дороге, поднимая клубы пыли. Шум и гул от работающей круглосуточно техники разносился далеко по тайге. Грунт отсыпался в жд. полотно (насыпь), по которому укладывались стальные рельсы.

Вот тут-то и обнаружили первые признаки некачественной работы строительства особо важного объекта – насыпное полотно будущей железной дороги. На некоторых участках насыпь вдруг повела себя не устойчиво, потихоньку стала расплываться в разные стороны, как тесто на сковородке. Нередко отмечались просадочные явления. В других местах, где расположены гофрированные трубы в теле насыпи, выполняющие роль водопропускных сооружений, обнаружилась их деформация. Кроме просадки полотна, образовались опасные трещины. Все эти негативные явления никак не соответствовали безопасности будущего движения по железной дороге. Начались взаимные претензии: строители считали виновными геологов, которые якобы разведали и дали заключение грунтам не отвечающие существующим нормам. Геологи, в свою очередь, проведя дополнительные исследования, доказали, что качество рекомендуемого материала удовлетворяет нормативным документам.

Так что же происходит с отсыпанной насыпью? А причина оказалась довольно простая. Разведанные и рекомендованные месторождения строительного грунта практически все отвечали необходимым требованиям. Совсем малое количество месторождений не прошли аттестацию, выданы отрицательные заключения, переведены в разряд забракованных. Так, например, в районе Ульканского прижима, грунты (супеси) показали высокую степень тиксотропности, что снижает их прочность. По внешнему виду они вполне пригодные к использованию (сухие, плотные), но при механическом воздействии (вибрация, встряхивание), супеси начинают выделять воду из микропор, разжижаются и растекаются. Если такие грунты попадают в насыпь, то она под воздействием вибрации, от движения будущих составов, просто расплывется, провалится, что может привести к крушению поездов.

Почему я так долго пишу об этом? Потому что по рассказам Олега, воспоминаниям Люды Ястремской, да и мне пришлось с этим столкнуться, строители очень часто игнорировали изученные месторождения и отправляли в полотно вообще неизвестный грунт. А послужила такому факту спешка, надо было выполнить призывы партии «Даешь БАМ», «Сдадим объект досрочно»

и другие. К тому же длинные рубли падали в карманы водителей «Магиров-сов» не за качество выполняемой работы, а за количество ходок. Водители, я думаю, и не только они, стараясь увеличить число фиксируемых ходок, не задумываясь о качестве отсыпаемого материала, нередко игнорировали наши разведанные месторождения, особенно если они были далековато от будущей трассы. Выбирали неизученный грунт поблизости и отправляли в полотно дороги. Олег рассказывал, что он и другие геологи заметили такие моменты, пытались остановить самосвалы, объясняя, что это может привести к нарушению целостности объекта. Но, увы, к нам не прислушивались, грубо обрывали такие предупреждения. Причем, от геологов были направлены письменные требования к их начальству, и также никто к ним не прислушался. Однажды Олег не выдержал, встал посередине дороги, пытаясь не пропустить машину. Водитель выскочил из кабины, дело чуть не закончилось дракой, предупредил Олега, чтобы не лез не в свое дело, иначе при случае его никто не найдет в тайге. Вот такие страсти бывали на великой стройке страны...

Пришлось заниматься паспортизацией отработанных карьеров, зондировать насыпь, изучать соответствие отсыпанного материала в насыпь выданному заключению по месторождению грунтов. Геологи также проводили обследование искусственных сооружений (металлические трубы под насыпью). Один из первых мест палаточного лагеря был берег реки Таюры, в двух километрах от поселка Звездного. Люда и Олег вместе с рабочими и Кучумом долгое время занимались обследованием. Вспоминают один из случаев, когда они находились внутри трубы, внимательно осматривали ее стенки, фиксируя все видимые изменения поверхности. Кучум в это время проводил свое следственное дело вверху, на насыпи. Иногда доносился его радостный лай, извещающий, что наверху все в порядке. Вдруг к ним в трубу торопливо забежал наш исследователь, прижав уши, приник к ноге Олега и жалобно заскулил. Люда вышла наружу посмотреть, кто же так напугал бесстрашного песика. На насыпи стоял чернокожий человек, видимо, из племени сенегальцев или гамбийцев. Его кожа в лучах солнца светилась сине-черным оттенком. Негр удивленно смотрел на Люду, широко улыбался, сверкая белоснежными зубами. Представляю нашего Кучума, который никогда таких людей не видел, наверно, подумал, что это неизвестный страшный зверь с белыми устрашающими зубами. Помахав друг другу руками, разошлись каждый в свою сторону. Недалеко от Звездного стоял интернациональный лагерь им. Патриса Лумумбы. На БАМе в то время работали молодежные ударные отряды со всего света.

Всякое бывало. Сложность рельефа, представленного горной системой Байкала, обозначила особенности изысканий данного места. В геологическом задании определены основные виды работ – проходка шурфов на поперечных профилях трассы, инженерно-геологическая съемка участка. Бурение скважин по скальным породам не проводилось. Только в пойме реки Кунермы работала буровая бригада, где с ними вел документацию Олег. Проходка шурфов давалась нелегко. Будущая трасса проходила в межгорных долинах, склоны и днища которых сложены делювиальными отложениями, обломками скальных пород – следствие осыпей, схода лавин, селевых потоков. Чтобы выполнить работу, необходимо было физически поднапрячься. Каждый шурф

давался рабочим с большим трудом, двух-трехметровые глубины с выборкой обломков пород разного калибра требовали серьезных усилий. Хорошо, если это щебенка или галечник, либо небольшого диаметра валуны. Порою вскрывались такие глыбы, которые даже вынуть из выработки не удавалось, чтобы углубиться на заданную величину. Обходными маневрами между ними докапывались до конечного результата. Иногда призывали на помощь рабочего, вскрывающего соседний шурф. Проходка шла медленно. Рабочие по-разному относились к такому труду. Кто-то старательно выполнял задание, а кто-то и не очень хотел испытывать себя, жалуясь: то спинку прихватило, то ручку или ножку повредил. Мы работали бригадами на трассе. Со мною были человека четыре шурфовика. Навстречу нам двигалась другая бригада, возглавляемая Людмилой. Встречаясь на трассе, соображали совместный обед. Однажды встреча пришлось на зимовье, которое стояло на берегу Дельбичинды. Согрев обед, поделившись своими проблемами, закончили чаепитием, запечатлев этот момент для истории.

Кроме нас по соседству работали строители, отсыпали автодорогу, вели взрывные работы на выемках под будущую трассу. Наш шеф и начальник строителей договорились о взаимном оповещении, где и когда работаем мы, где в это время ведутся опасные работы по взрывам. Однажды моя бригада работала на профиле недалеко от будущей выемки. Отработав утренние часы, дала сигнал на обеденный перерыв. На костре согрели мясные консервы, вскипятили чай.

Я собрала посуду, спустилась к речке, чтобы привести ее в чистый вид. Присев к воде, вдруг услышала громкие хлопки, а через мою голову на другой берег летели довольно увесистые валуны. От неожиданности встала в полный рост, оглянулась назад, пытаюсь понять, что происходит. В это время на меня бросился рабочий Борис Мельников, свалил на землю и закрыл своим телом. Не поняв ничего, сначала хотела возмутиться, чего это он меня завалил. Но он пригнул мою голову, крикнув: «Замри». Минут пятнадцать длилась канонада взрывов. Взорванная выемка обрушилась на нас шквальный камнепад, который нес снаряды разного калибра от мелочной пыли до глыб размером в один метр. Вода в Дельбичинде вскипела от падающего каменного материала. Мы с Борисом отлеживались на земле, а в голове у меня одна мысль: где же находятся другие рабочие. После обстрела быстро поднялись, спросила у защитника, нет ли у него повреждений. Убедившись, что есть небольшие ушибы спины, побежала искать других мужиков. Один из них, Угурчиев, с округленными от страха глазами, стоял, спрятавшись за ствол сосны. Другой рабочий, Степанов, долговязый и худой, нарушая технику безопасности, спрятался в выкопанный шурф. От взрывной волны стенки выработки сдвинулись, обвалив на него валуны до самого верха, подмяв его ноги. Собрала людей к нему на помощь, чтобы освободили горемыку. Сама помчалась к выемке, от злости выругалась некультурно, почему не согласовали работы. Строители тоже испугались за нас, ответили, что их никто не предупредил. Не закончив дневные работы, вернула бригаду в лагерь, написала докладную начальнику. Два дня шли разборы полетов, один начальник обвинял другого, выясняя, кто должен первым оповещать о работах на трассе. Степанов получил травмы ног, может

быть, и не совсем уж сильные, но сразу лег поболеть подольше, жалуясь на невзгоды судьбы.

... Перебирая письма мужа, обнаружила, что за период его пребывания в экспедиции в 1976 году нет ни одного письма с БАМа. У меня на руках было только одно, за третье сентября, когда я уже сама, оставив сына на попечение дедов, выехала к ним в полевую партию. Письма, конечно же, были, вот только где они осели, не смогла вспомнить.

Прошло много лет, поиски их не увенчались успехом. Остался большой архив фотографий, зафиксировавших полевую жизнь этого периода. Кроме того, слава Богу, живы наши очень близкие и дорогие друзья, которые работали вместе с Олегом, а потом и со мной. Это Ястремские, Валерий и Людмила. Наша дружба длится много лет, и нам уже немало годочков, но многое помним. Я попыталась представить этот период по фотографиям, воспоминаниям друзей и по рассказам Олега, когда он был ещё жив. Иногда вечерами мы вместе с ним перебирали фотографии, с лёгкой грустью беседовали, дети наши слушали и удивлялись жизни родителей из таких далёких времён.

В 1978 году весной принимала участие в экспедиции на изысканиях под вторые пути Ташкент – Саксаульская. Летом этого же года уехала на изыскания под военные площадки в Забайкалье вблизи монгольской границы. И только в 1982-м, после рождения долгожданной дочки Иринки, ушла из «Томгипротранса» в геологоразведочную экспедицию. Наконец моя ещё студенческая мечта заниматься подземными водами осуществилась. Я стала гидрогеологом, принимала участие в разных проектах гидрогеологических исследований. Началась новая ступень нашего жизненного пути. Прощай, «Томгипротранс». Мы много приобрели ценного в стенах этого института.

Мы были молоды, быстро забывали какие-либо неудачи, шли вперёд, радовались всему, к чему прикасалась наша жизнь.